

КРУПНЫЙ ПЛАН

Два года назад в театре имени Ф. Г. Волкова появился молодой актер Илья Коврижных. Высокий, стройный интеллигент-интеллектуал... Актерский типаж Ильи как нельзя более соответствовал классическому репертуару академического театра. Островский, Шекспир, Лопе де Вега – о чем, казалось бы, еще мечтать начинающему актеру? Но была у него и другая мечта – попробовать себя в кино. А воплотилась она совсем недавно: в фильме Николая Досталь «Штрафбат» Илья сыграл одного из штрафников – Цукермана. Талантливый дебют в хорошем фильме послужил поводом для близкого знакомства с актером Волковского театра.

– В детстве, как любой мальчик, я мечтал быть водителем или космонавтом. Подрастком бредил океанографией, очень любил воду, занимался плаванием. Кусто был для меня воплощением мужского начала и чего-то таинственного. Казалось, что все самое интересное – в небе или под водой. Но так получилось, что душой прикипел к театру. Виноват в этом «Бенефис» – первый коммерческий театр Казахстана, организованный людьми, влюбленными в те-

пе Волковского такого актера. Он предложил меня... Когда раздался звонок, приглашающий на «Мосфильм», ситуация сложилась просто как в анекдоте (актер провинциального театра отказывается от съемок у Спилберга, потому что должен играть Зайца на новогодних елках). А у меня премьера – «Кьоджинские перепалки». Поехал после премьеры, а вернулся уже с ролью. Случай. Или судьба.

– Как начиналась кинокарьеря?

Театр я люблю больше

– Жизненный опыт двадцатилетних формировался в годы перестройки, то есть в период полной социальной неразберихи. Кто и как влиял на твоё мировоззрение?

– У меня в семье любят традиции. Бабуля-коммунист рассказывала о подвигах прадеда и деда, о войне. Она повязывала мне красный галстук. Мама – иных взглядов, более демократических. Она давала читать книги, говорила о том, что было на самом деле в нашем прошлом. Это были совсем другие рассказы, и мама срывала с меня пионерский галстук. В этой обстановке и формировался. Попал между двух восприятий жизни.

– А какое отношение к вере, к Богу у мальчика, выросшего в постатеистическое время?

– Я православный. Верю в Бога, но не люблю институт Церкви. Зачем было строить храм Христа Спасителя? Ведь получился музей веры. Я ходил в церковь, общался с умными священниками, стоял на служ-

Актер Волковского театра Илья Коврижных во время съемок телесериала «Штрафбат» (верхний снимок) и в спектакле «Кьоджинские перепалки».

ФОТО СЕРГЕЯ МЕТЕЛИЦЫ

атр, среди которых была и моя мама, она театровед. Я там проводил все свободное время, помогал и первую роль свою сыграл в «Утиной охоте» – мальчика с венком. Театр вскоре закрыли – в Казахстане русскому театру выжить было сложно, а я решил ехать в Москву, в театральный институт.

– Как мама относилась к твоему выбору?

– Мама никогда не побуждала меня к актерской профессии, но и не возражала, воспринимала это спокойно. Теперь шутит: «Купаюсь в лучах твоей славы».

– Трудно было поступать? Ведь конкурсы в театральные вузы всегда большие.

– Трудно было решиться поехать, а поступил сразу, куда и хотел – в Щукинское. Потом, пообщавшись с однокурсниками, которые поступали на несколько лет, понял: мне просто повезло. Судьба. Я стал фаталистом, верю, что все predetermined. Когда на первом курсе меня хотели отчислить, спас случайно сыгранный чужой этюд. Опять же – судьба.

– А в «Штрафбат» тоже судьба помогла попасть?

– Я четыре года обивал пороги на «Мосфильме». Уже совсем отчаялся. Можно всю жизнь ходить, стучать – и ничего. На этот фильм взяли Сергея Цепова, а от роли Цукермана отказался Максим Галкин. Сергея спросили, нет ли в труп-

– Я видел, что Досталь ко мне приглядывается. Он любит хвалить актеров, чтобы у тех была уверенность в себе. Я поставил режиссеру условие: каждый вечер проговаривать роль. Досталь смотрел сценарий: «Ну, здесь все понятно». Я возражал: «Мне – нет». Так и учился. Быстро освоил киношные штучки – не моргать, не двигаться. Но надо было понять, ощутить другое – атмосферу. Вот мы и строили атмосферу. Потом уже не было разговоров о роли, так – о том о сем. Мы нашли общий язык, за что я очень благодарен Николаю Ивановичу.

– И какая атмосфера оказалась ближе – театральная или киношная?

– Я понял одну вещь – театр я люблю больше. Не буду ругать кино как процесс, но театр мне ближе.

– Уехать из России за границу не хочется?

– Никогда не хотел и, наверное, никогда не смогу. Поездить, попутешествовать, может быть, даже поработать, но уехать – никогда.

– Сейчас молодым жить в России очень непросто. Ты ждешь каких-то перемен или так все устраивает?

– Я старомоден, и мне кажется, что сегодня все идет не в ту сторону. Москва – огромная воронка, карусель, которая вертится на предельной скорости. Есть очень интеллигентная молодежь, высокоинтеллектуальная, но таких немного, гораздо больше шелупони. Только окажись на этой карусели – закрутит. Один философ сказал: «Подниматься всегда тяжелее, чем спускаться». Стараюсь меньше отдыхать. Когда бежишь под гору – ноги уже разгоняются и сами несут. Сматришь – а гора-то уже вон где... И все-таки я надеюсь, что с этой карусели, вертящейся с невероятной скоростью, все ненужное вылетит.

Беседовала
Марина ШИМАНСКАЯ.

бе, но к Церкви как организации у меня нет любви. Моя прабабушка не ходила в церковь, говорила, что Бог у нее в душе. Я тоже так думаю.

– Среди мальчишек твоего поколения игра в войну не была так привлекательна, как для ваших предшественников. Великая Отечественная от вас, к счастью, уже очень далеко. Какие чувства у тебя вызывает война?

– Я негативно отношусь к профессии военного и, конечно, к войне. Мне представляется диким массовое истребление людей. В армии не служил свое отношение к военному делу не скрывал и в военкомате. Пацифистом в наше время быть трудно. Окажись я в Беслане, безусловно, взял бы в руки оружие. Но систему и структуру военной организа-

ции я не воспринимаю. Все, что построено на методе подчинения, – не мое. Хотя даже в студенческие годы всегда говорил, что форма мне к лицу, я сыграл много военных.

– Кто помог актерам «Штрафбата» уловить, почувствовать и передать атмосферу войны?

– Консультантом фильма был человек, который прошел через штрафбат. Я не знаю, как он уцелел в этой мясорубке... Вообще, прошлое, нашу историю не изменить, ее надо воспринимать такой, какая она была. Оценивать нужно не ситуацию, а конкретного человека.

– О профессии военного в детстве ты не мечтал, это понятно. О чем мечтают дети перестройки и как попадают в такую недоходную профессию, как актерская?